

Нана Блик

Skleněný
můstek
2016

НАПОВИ

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Содержание

ПРОЛОГ

Глава 1

ЖЕЛАНИЕ

Глава 2

ДВЕРЬ ПЕРВАЯ – «СЕКУНДА»

Глава 3

ДВЕРЬ ВТОРАЯ – «ТОЧНЫЙ УДАР»

Глава 4

ДВЕРЬ ТРЕТЬЯ – «ЗАКОН ПОДЛОСТИ»

Глава 5

ДВЕРЬ ЧЕТВЁРТАЯ – «ПОСЛЕДНИЙ ТРАМВАЙЧИК»

Глава 6

ТЁМНЫЕ ЗАКОУЛКИ

Глава 7

ДВЕРЬ ПЯТАЯ – «ПО ТУ СТОРОНУ ОТ МЕЧТЫ»

Глава 8

ДВЕРЬ ШЕСТАЯ – «ОДИНОКИЙ ВОИН»

Глава 9

ДВЕРЬ СЕДЬМАЯ – «МЕДСЕСТРА НАДЕЖДА»

Глава 10

ДВЕРЬ ВОСЬМАЯ – «АНГЕЛ БЕЗ НИМБА»

Глава 11

ОСТРОВКИ ПАМЯТИ

Глава 12
ДВЕРЬ ДЕВЯТАЯ – «ПРИЗРАЧНОЕ СЧАСТЬЕ»

Глава 13
ДВЕРЬ ДЕСЯТАЯ – «КУСОЧКИ ЦЕЛОГО»

Глава 14
ДВЕРЬ ОДИННАДЦАТАЯ – «ЧУЖАЯ ДУША»

Глава 15
ДВЕРЬ ДВЕНАДЦАТАЯ – «ПУСТАЯ ЗАБАВА»

Глава 16
ТАЙНЫЕ МЫСЛИ

Глава 17
ДВЕРЬ ТРИНАДЦАТАЯ – «И ВСЕЙ ЖИЗНИ НЕ ХВАТИТ»

Глава 18
ОСКОЛКИ РЕАЛЬНОСТИ

ЭПИЛОГ

© Нана Блик 2016
© Skleněný můstek s.r.o. 2016

ISBN 978-80-7534-104-4

ПРОЛОГ

Как жаль, что плата за ошибки твоей
грешной жизни будет взиматься не с тебя.
Знал бы заранее — многого бы не делал!

Лилиан Саммерс

Как заставить кого-то ценить и уважать чужую, да ещё и человеческую жизнь? Как доказать, что чьё-то пускай и не очень успешное или удачное существование кому-то да всё-таки нужно? Никто и никогда не сможет прочувствовать по-настоящему чужую радость или боль, пока не окажется на его месте или, лучше сказать, не примерит на себя его «шкуру». Собственные достоинства и недостатки окончательно сойдут на нет, когда твоя душа будет бежать по коридорам чужой судьбы, спотыкаясь о выступающие пороги и натываясь на непонятно кем воздвигнутые бетонные стены. Это ни столько больно и неприятно, сколько обидно. Обидно осознавать, что твои, как ты сама себя всегда убеждала, глобальные проблемы, беды и радости ничто по сравнению с этими, на первый взгляд обычными, мучения человека. И понимание всего этого придёт тогда, когда почти уже иссякнут силы твоей, казалось бы, бессмертной души. И тот последний шанс, который позволит тебе осознать это, будет, возможно, единственным в твоей жизни, но по-другому нельзя. Бесчувственный монстр может стать человеком, но только тогда, когда в его теле вспыхнет искра живого добра. В моём теле вспыхнула, но только с большим опозданием. Кто бы мог подумать, что число возможных попыток для меня будет величиной слишком малой и несоразмерной с моим

мнимым величием. В одиннадцатой из возможных тринадцати попыток она всё-таки загорелась, но только этого оказалось для меня недостаточно, и моё тело в отсутствии безликой, но всё же души окончательно стало чужим, полностью отдаваясь порокам сидящего внутри монстра, чья кровь с рождения текла по моим венам, а поначалу всё казалось мне не таким уж плохим, особенно этим погожим июньским деньком.

Глава 1

ЖЕЛАНИЕ

Когда душа твоя чиста,
Откроются тебе места,
Но, слишком много очищая,
Ты будешь жить, изнемогая.

Лириан Саммерс

Первая неделя славного летнего месяца, на удивление, выдалась жаркой. Температура за тридцать и дождь всего пару раз за неделю, несомненно, не могут не радовать. Жара всегда была у нашей семьи в почёте, особенно это касается меня, мамы и дедушки, которого, кстати, за семнадцать лет своей жизни я ни разу не видела. Сегодня вечером мой выпускной. Лёгкое воздушное шифоновое платье длиною чуть выше колена выполнено в греческом стиле. Материя цвета умеренной по силе морской волны, освещённой последними лучами уходящего солнца, придаёт этому вечеру налёт романтической грусти. Жаль, что не это настроение придётся брать с собою на праздник. Всё, что мне сейчас нужно, так это заветная корона королевы выпускного школьного бала, и я сделаю всё лишь бы увенчать свою голову ею.

До школы я добираюсь сама. Подаренный мамой огненно-красный «Форд Мустанг» ещё довольно резво летает по улицам, потому что дядя Эрик буквально не вылезает из-под капота этой жгучей лошадки. С учётом своеобразной специфики нашего семейства подруг у меня нет и быть, наверное, не должно, впрочем, это касается и моего парня тоже. Да, честно сказать, он мне не особо и нужен.

Захожу в здание своей школы, позируя фотографу у самого входа. Свет от диодных огней и неоновых ламп моментально отражается от моих кудрявых рыжих волос, спадающих на хрупкие белые плечи, а глаза цвета нефрит наполняются блеском нескончаемого подросткового веселья.

Весь вечер я танцую и общаюсь со всеми так, что ни у кого даже и в мыслях не возникает ощущения того, насколько я одинока.

Наконец музыка прекращается, и взволнованный от паров алкоголя и природной стеснительности директор решается произнести речь, в кульминации которой он и объявит всем короля и королеву этого бала. Стою, пропуская мимо ушей его лестные речи и напутственные лозунги и призывы, и просто прокручиваю в своей голове возможную речь после вручения мне долгожданной короны.

— Королём этого бала мы провозглашаем Томаса Льюиса! — директор чрезмерно улыбается, словно это и его огромная заслуга и радость.

Я, кстати, ничуть и не сомневалась в том, что толпа изберёт себе такого кумира. Красив, хорошо сложен и глуп — чего ещё можно ждать от представителей кукольной молодёжи!

— Честью носить корону и титул королевы нашего вечера удостоена, — произносит директор, а я останавливаю бег своих мыслей, чтобы как можно чётче услышать своё имя, произнесённое из этого слегка подпившего рта, который, остановившись всего на секунду, резко выпаливает, — несравненная Люси Джонсон.

Мой мир сотрясается, вся скопившаяся злоба разом всасывается в мои кровеносные сосуды и растекается по всему телу.

Пристально слежу за блондинкой, вбегающей резво на сцену, и осознаю, что ненавижу её всем своим страшным нутром, и в момент, когда её худосочные пальчики касаются моей заветной мечты, я просто закрываю глаза с неимоверным желанием, чтобы эта особа никогда не смогла водрузить себе эту корону.

И она падает, причём замертво. Ещё секундой ранее молодой растущий и пышущий радостью организм моментально превращается в безжизненное не имеющего ни единого шанса на спасение тело. По залу расходятся крики и лёгкая паника, достигающие в скором времени небывалого уровня шума, сквозь который я отчётливо слышу пронизывающий мою душу мамин ужасающий вопль: «Наоми, как ты могла? Неужели все твои желания, страдания и усилия были напрасны, и годами скрываемый монстр всё-таки сможет вырваться из тебя на свободу?». И тут-то мой тумблер срабатывает на отключение, и я теряю сознание.

Темнота. Меня окружает сплошная непроглядная тьма. В лёгкой панике, пытаясь понять, где же я всё-таки нахожусь, осторожно ощупываю предметы, расположенные вокруг меня. Дотягиваясь рукой до чего-то мягкого, вмиг наощупь узнаю своего единственного рыжего друга – лисёнка по имени Лаки, подаренного мне на пятилетие моей сумасшедшей семьёй. Вздыхаю от облегчения, что я не где-нибудь, а в собственной комнате своего любимого дома. Притягивая Лаки в свои объятия, я погружаюсь в эмоционально тяжёлый, но относительно крепкий сон с твёрдой решимостью завтра уладить все свои разногласия с мамой.

Утро. Часовая кукушка прочирикала семь раз, оповещая мне точное время. В моей комнате ещё темно. Первые прямые лучи летнего солнца коснутся стекла моей спальни лишь после

полудня, так как окна комнаты, расположенной в одной из боковых башен нашего готического особняка, выходят на запад, демонстрируя во всей красе мне величественный и живописный закат. Никогда не понимала и не поддерживала своего отца в том, как он может так любоваться рассветом. Что такого животрепещущего папа находит в окрашивании блёклым изнеженным светом погружённых во тьму домов и деревьев? То ли дело закат. Всё окрашивается в золотистые сиренево-красные тени, излучая благородство и стать. Огромная сила, поначалу заставляющая любые предметы сиять, моментально погружает всё в темноту, оставляя в воздухе дымку таинственности и недосказанности, перед которой все равны – все без исключения стоят пред ней на коленях.

Лежу, обнимая Лаки, и осматриваю комнату на предмет изменений, но всё здесь в точности, как и было до выпускного, только теперь моё лёгкое шифоновое платье висит не в шкафу на передней вешалке, а сложено на спинке стула у будуарного столика. На мне надета моя любимая пижама с ушками кролика на капюшоне и большой морковью, торчащей из нагрудного подобного сумки кенгуру кармана. Раз я ничего больше не помню, кроме ужасного маминого крика, значит, мне довольно сильно досталось, но даже несмотря на всё это, я переодета и благополучно лежу в своей удобной постели. Мама всегда была мягкотелой. Конечно, в сравнении с другими она тот ещё монстр, но вот в отношении меня она явно испытывает небывалую слабость. Ах, мама, моя милая мама!

– Гляжу, ты проснулась! – тяжёлый мамин голос вырывает меня из раздумий.

– Как видишь! – произношу я слишком нагло и самоуве-

ренно, давая ей чётко понять, что чёрта с два я признаю себя виноватой.

– Наоми, прекрати! Ты хоть раз можешь мне не перечить! – закричала мама, что в принципе было для меня неожиданно, так как прежде она всегда была со мной более сдержанна.

– Мама прости, просто я защищаюсь, – произнесла я уверенно, не испытывая абсолютно никакой вины за собою.

– Защищаешься? Наоми, детка, что ты несёшь? От кого ты сейчас защищаешься? Тебе никто и никогда не то, что не угрожал, а даже и не пытался этого сделать, – мамин голос постепенно переходил на шёпот. Она села ко мне на кровать, склонив голову и зажав её крепко руками. – За что ты убила эту юную девушку?

– С чего ты взяла, что это была я? – я всё ещё пыталась отнекиваться.

– Прекрати, последний раз говорю! – Я закрыла уши руками, потому что крик был просто невыносим.

– Ей явно по ошибке вручили принадлежащую мне корону королевы выпускного бала, – произнесла я быстро, нисколько не сомневаясь в своей правоте.

– Ты заставила её сердце остановиться из-за какой-то короны? – мама от ужаса вцепилась когтями в свои бледные землисто-зелёные щёки так сильно, что алая кровь потекла по её длинным рукам, скапывая с локтей мне прямо на одеяло.

– Корона моя! Ей она ни к чему! – огрызнулась я ещё раз.

– Наоми, ты даже не называешь эту девушку по имени. Неужели тебе настолько она безразлична? Ты же вместе с ней проучилась больше десяти лет.

– Мама, это же человек! Всего лишь простой, обычный,

заурядный человек! Что ты так кипятишься по этому поводу, я до сих пор понять не могу! – Я отбросила Лаки на пол и резко встала с кровати. – Ты чересчур переживаешь по этому поводу. Ну, одним человеком больше, одним меньше – какая нам разница!

– Дочь, не всё в жизни так просто. Если ты будешь убивать не тогда, когда нужно, а когда ты сама захотела, то нарушится первозданный порядок и постепенно наступит хаос как на земле человеческой, так и в твоей, ещё надеюсь, не совсем безнадёжной душе. Не превращай сама себя в монстра, у тебя и так не было выбора, поскольку ты им и родилась. Не наполняй оболочку ещё и демоническим содержанием. Поверь, это сделать легко, трудно будет избавиться от этого после.

– А кто тебе сказал, что я захочу избавляться от этого? Мне нравится быть собой! Я не хочу изменяться! – я остановилась напротив мамы, увидев в её глазах нестерпимую боль, и мне впервые от себя стало тошно.

– Наоми, мы все здесь не зря, у всех у нас в этом мире определённая миссия: ты и я живём согласно закону, а люди приходят в этот мир, чтобы исполнить отведённую им свыше роль, которую, конечно, не всегда исполняют, но в этом как раз и изюминка. Пойми, наши жизни однообразны и от этого слишком скучны. Вечное скитание когда-нибудь и у тебя вызовет тошноту, если его не разбавлять красками человеческой жизни: наблюдать, направлять, управлять, а где-то и нагло вмешаться, но не убивать просто из прихоти. В том, что ты сделала, просто нет смысла. Я надеюсь, ты когда-нибудь это поймёшь! – Мама с надеждой смотрела в мои нефритовые глаза, пытаясь найти хотя бы капельку понимания, но в них был лишь гнев и неуправляемая жестокость.

– Человеческая жизнь пуста. Ничего нет в ней такого уж и особенного, как ты тут поёшь. Они все для меня как одно большое пустое место. Однородная безликая масса! Как можно в ней кого-то узреть или выделить? – я абсолютно не понимала свою Мать, я не понимала, как она может восхищаться жизнью людской, не водружая на пьедестал свою собственную.

– Хватит, Наоми, довольно! Я не хочу больше слышать от тебя ничего такого, о чём мы только что с тобой говорили. Ты наказана – будешь сидеть в своей комнате, пока я не пожалею об этом! – Мама встала с кровати, судорожно расправляя свои огромные перепончатые крылья, и, подойдя к распахнутому настежь окну, добавила более мягким учительским голосом, от которого мне стало просто не по себе. – Я бы хотела, чтобы когда-нибудь и ты узнала всю радость и горесть человеческих жизней, испытай на себе эту тонкую грань. Тогда, возможно, ты поймёшь то, о чём я тебе говорила или, по крайней мере, останешься верна своим тёмным желаниям, ну, а пока тебе придётся посидеть взаперти. Это для твоей и для моей пользы! – Мама вылетела из окна, не удосужившись даже выслушать мою ответную реплику.

Я подбежала к окну с желанием выкрикнуть моё мнение хотя бы ей вслед, но смогла лишь истерически захлопнуть распахнутую настежь фрамугу. Как же я ошибалась, считая маму слабохарактерной. Теперь её тёмная кровь стала и для меня слишком густа. Я ударила кулаком по стене, признавая в своей душе первый в отношении мамы проигрыш, и от нависшей надо мной безысходности вернулась обратно в кровать, зарывшись лицом в перьевые подушки.

Пролежав так весь день, не отвлекаясь даже на дневной

приём пищи, я пыталась найти нужный мне выход. Не могу же я вечно плясать под мамину дудку.

Сиреневый буйный закат сочными красками наполнил всю мою комнату, обмакивая стены сначала в золотистые, красно-оранжевые, а затем на исходе дня и в фиолетовые оттенки палитры господина летнего вечера, напоминая мне своими быстро сменяющимися образами детскую игрушку под названием калейдоскоп. Как только все цвета были иссушены, комнату плавно обволокла сумрачная тьма, погружая меня и всю обстановку в ночную безмятежность.

Лёжа уткнувшись лицом в подушку, не особо замечаешь бег времени и смену цветовых играющих красок, поэтому абсолютно неизвестно было о том, сколько бы ещё я так смогла пролежать, если бы не специфический стук в окно моей спальни, который вырвал меня из кроватного плена.

– Дядя Эрик – это ты? – прошептала я уверенно, зная, что лишь ему это сделать по силам, так как дядя Майкл летать не умеет, а мама и папа это делать не будут.

Но ответом мне было лишь немое молчание. Я уж было хотела опять уткнуться в подушку, как стук повторился.

– Это уже не смешно! – произнесла я, устремившись к окну.

Моя единственная связь с этим миром была завешана тонкой полупрозрачной органзой, которую я легко передёрнула в одну из сторон лишь с одной только целью: как можно лучше рассмотреть лицо моего шутника. Я до последней секунды была уверена в том, что это был не кто иной, как мой дядя Эрик. Но, распахнув шторы, я никого не увидела.

– Что за дурацкие шуточки? Если кто-то тут ещё не заме-

тил, то у меня сейчас не особо игривое настроение, так что, мои дорогие родственники, я прошу вас прекратить это делать. – Договорив, я хотела вернуться в кровать, как случайно заметила лёгкое движение под окном.

Подойдя к окну ближе, я нагнулась к стеклу, чтобы лучше рассмотреть источник движения. Неожиданно снизу показалась чья-то незнакомая мне голова. Я отпрыгнула от окна машинально, а фигура с той стороны от стекла продолжала подниматься всё выше, пока не показалась мне в полный рост.

Это был парень! Точнее то, что смотрело на меня сквозь стекло, визуально напоминало мне парня, но в этом я была не слишком уверена. Короткая молодёжная стрижка, светлая футболка и джинсы, а также синяя рубаша, надетая поверх футболки, сложили в моей голове образ привычного для меня тинэйджера. И абсолютно ничего бы не насторожило меня, если бы не волосы, как сосульки, свисающие с головы, потёртая грязная и местами даже порванная одежда, слегка посиневшая кожа и мутные пожелтевшие злые глаза, которые моментально вызвали у меня отвращение и страх, что мне было вовсе не свойственно. Я смотрела на него, не отвлекаясь и не моргая, как вдруг он резко ударил по стеклу своей синей ладонью. Слегка вздрогнув, я по-прежнему не отрывала от него своих пристальных глаз. Неожиданно он прижался своим лбом к стеклу так сильно, что лицо его искривилось, но шок я испытала отнюдь не от этого. Внезапно его голова стала проникать сквозь стеклянное полотно, не нарушая его целостности. От испуга я попыталась бежать, но мои ноги стали как ватные. Кричать я тоже была не в силах. Без движения и без голоса я стояла перед окном по стойке смирно, наблюдая, как незнакомец

без труда проникал в мою спальню. Наконец-то сделав это, он остановился напротив меня и вытянул свою руку, пытаясь дотронуться до моего испуганного лица, которое было так же, как и всё тело, парализовано. Погладив меня по щеке, он прошёл вглубь комнаты и уселся на мою расправленную кровать, и только после этого я смогла говорить и двигаться медленно.

– Кто ты такой? – мямлила я, испытывая ужасный страх, хотя визуально я видела монстров и пострашнее, но что-то было в его образе такое зловещее, что и заставляло меня реагировать подобнейшим образом.

– Называй меня Лорд. Я пришёл, чтобы исполнить желание твоей Матери, хотя она сама и не просила меня сделать это, но в этом-то и заключается вся моя работа. – Он водил своими грязными ручонками по моим шёлковым кремовым простыням, чем вызывал во мне раздражение, перетекающее в невыносимую злость.

– Мама убьёт тебя, если узнает! – смело выпалила я незнакомцу в ответ, точно зная, что Лилиан это вряд ли понравится.

– Вот именно: если узнает. Для тебя пройдёт куча времени, а для неё это будут секунды, а с условием того, что вы накануне поссорились, то она не скоро тебя и спохватится. – Парень облокотился на кровать, опёршись своими испачканными где-то локтями. – Я помогу тебе лучше узнать себя, ну, или уничтожу бесследно. Слова, высказанные твоей Матерью, обладают невероятной силой, поэтому я так быстро и нашёл тебя.

– Какое желание, какие слова? – суетливо вторила я, а потом совершила огромную для своей персоны ошибку, прокричав призывы о помощи, – Мама, папа, дядюшки, помогите! – Но вместо голоса лишь тишина вальяжно разгулялась по комнате.

– Да ты, Наоми, у нас ещё и проблемная! – пронзительно крикнул Лорд, резко вставая с кровати. – Придётся быстрее перенестись в эпицентр кучных событий, но это даже и к лучшему! – Он улыбнулся, чем вверг меня в шок, обнажая свои подгнившие искривлённые зубы. – Быстрее начнём – быстрее закончим!

Он хлопнул в ладоши, и мы оказались посередине огромной тускло освещённой комнаты, в которой абсолютно не было окон, только двери, и их было тринадцать! Огромные дубовые тёмные двери отягощали большую по размерам комнату, уменьшая её в разы.

– Это тринадцать чужих человеческих судеб, сквозь которые ты пройдёшь, чтобы познать тонкую грань между радостью и горечью, как того хочет твоя Матушка, или пройдёшь, чтобы выжить и вернуться назад, как того хочу я, если ты, конечно, не вляпаешься ни в какую историю. В противном случае, ты будешь вечно скитаться по просторам любимого мною Ада, и никто тебе не поможет, потому что это испытание придумано вечным Князем, и отменяться никогда и никем не может. – Я отчётливо понимала, что он бросает мне вызов, а вызовы я всегда принимала с гордо поднятой головой и здесь я не хотела делать никаких исключений.

– Хорошо, как скажешь! Огласи мне все твои правила и можем, в принципе, приступать! – сухо ответила я, явно недооценивая всю ситуацию. Каким же ребёнком на тот момент ещё я была, но тринадцать историй быстро состарят меня, превращая мою детскую душу в маленькую, ослабшую от горя, старушку.

– Правило лишь одно: проживаешь каждую историю, не прибегая к собственной силе и не нарушая естественный ход про-

исходящих вокруг тебя событий! – Лорд наклонил голову направо и слегка пожал своими плечами, словно говоря, что это несложно и, в общем-то, у тебя нет особого выбора.

– И всё! Тогда незачем медлить, давай приступать! – выпалила я без остановки.

Чрезмерно уверенная в себе и в собственных силах я позабыла о том самом главном, что зачастую или, лучше сказать всегда, именно моя Мама помогала мне в исполнении всех моих порывов и желаний, спасая меня от возникающей пропасти. Она как волшебная палочка спасала меня от всех моих бед, укрывая под своим материнским крылом. Жаль, что понимание этого придёт ко мне слишком поздно, и я успею наломать дров, да не пару полешек, а целую небольшую поленницу, и то благодаря тому, что дверей будет всего-то тринадцать. Но пока что к первой своей двери я подошла, на удивление даже самого Лорда, слишком самоуверенно, чем вызвала его бурную реакцию и восторг, но тратить своё внимание на подобные проявления чувств в тот момент я ещё не хотела. Девчонка – что с меня взять!

Глава 2

ДВЕРЬ ПЕРВАЯ – «СЕКУНДА»

Я – тихой нежности комок,
Я – радость тем, кто так берёт,
Но часто я встречаю тех,
В ком пробуждаю злости смех.

Наоми Томпсон-Саммерс

Огромные дубовые тёмно-вишнёвые двери выстроились в ряд слева направо. На первый, ещё неискушённый выбор, взгляд все они были одинаковы, но в каждой двери таилась своя уникальная изюминка, отличающая каждую от последующей. Лишь подойдя ближе к первой двери, я заметила, что огромное беззаконное пространство было округлым, а двери располагались на полуокружности, начинаясь и заканчиваясь точкой диаметра. В центре комнаты лежал небольшой по размерам бежевый коврик с чрезмерно пушистым ворсом, который был длиннее обычного. Интересно, зачем подобному помещению такая вот роскошь?

Первая дверь была больше, чем все остальные, а её латунная ручка в виде сердца, треснутого пополам, чуть-чуть меня озадачила, но не остановила. Я прислонилась к двери правой щекой, пытаясь услышать хоть какие-нибудь звуки с той стороны, но лишь тишина была мне попутчицей.

– Ты как-то замедлилась. Неужели в душу к крошке Наоми смогла залезть неуверенность? – Лорд точно знал о том, куда следует надавить, чтобы как можно быстрее получить от меня всё желаемое.

– Не дождёшься, – прошептала я и дёрнула за латунную ручку, распахивая дверь настежь.

Всё междверное пространство было заполнено чёрно-белой рябью, подобной той, какая бывает на телевизионном канале, если отсутствует передача сигнала. Я набрала побольше воздуха в лёгкие и шагнула в монохромную неизвестность. И тут началось такое, к чему я уж точно была не готова.

Сквозь огромный дверной проём прошла лишь душа, а тело бесформенной массой рухнуло в комнату. Лорд взмахом своей несвежего вида руки перенёс его на пушистый палас, а сам сел рядышком медитировать, в ожидании нескорого воссоединения души с моим полностью незащищённым телом.

Делать нечего: так, как вошла, я отсюда не выйду – значит, буду осматриваться в поисках нужного выхода. И я, отвернувшись от двери, пошагала вглубь незнакомого мне пространства с ничтожной надеждой на скорое возвращение.

Пространство вокруг меня было красным и обильно увлажнённым какой-то вязкой по консистенции жидкостью. Брезгливо не касаясь стен, я прошла в помещение треугольной формы, в котором было, не считая моего входа, ещё два других выхода, располагающиеся в каждом углу этой странной геометрической фигуры. Неожиданно из одного дверного проёма в комнату выкатилось жёлтое пятнышко, и моментально к нему навстречу, но уже с противоположной двери, выскочили множество взбалмошных и непоседливых белых хвостиков, суетливо стремившихся к странному солнцу. Когда же один из них всё-таки достиг «желтопузика», окружение замерло, и яркая вспышка ослепила меня, затягивая в самый центр событий. И я, слившись с теми двумя во-

едино, положила начало непостижимому для моего разума чуду под названием «Новая жизнь». Я стала душой ребёнка, который только-только зародился в животе у своей мамы. Конечно, я тоже была ребёнком и развивалась аналогично, только сейчас я нахожусь в сознании и здравом уме, способная видеть и чувствовать всё наяву. У меня даже мыслей раньше не возникало в своей голове насчёт того, что может чувствовать ещё не рождённое кем-то дитя. А как оказалось, оно чувствует и чувствует слишком много.

Первоначальные ощущения вполне даже приемлемы. Мне тепло, комфортно и сытно. Хотя я пока и представляю собой головастика, но я полностью счастлива. Я защищена, укрыта и спрятана. Пока я тайный агент в здании этой организации под названием «Мама», но, несмотря на это, я всё-таки счастлива. У меня формируются нервная система и сердце, от стука которого я повиливаю своим хвостиком, потому что ничего другого у меня пока нет.

Довольно быстро у меня начинают формироваться ручки и ножки. О, видели бы вы мои крохотные пальчики! Меня просто переполняют чувства восторга и эйфории. Моя новая мама будет вне себя от радости, когда увидит меня. Какое же я всё-таки чудо!

Мысли о новой маме навеяли в моей голове чуждые мне прежде тяжёлые думы о родной своей Маме. Мой последний разговор с ней не был милой беседой матери с дочерью. Я всегда перечила ей, словно пытаюсь показать свой колючий характер или значимость монстра, сидящего где-то внутри. Но для чего и зачем? Мама и без меня знала всё о монстрах тем более таких нелепых, как я. Всю свою жизнь она боролась со мной, не давая своему монстру выбраться из позволенной зоны. Какая же я всё-таки непутёвая дочь! Когда вернусь обратно, то непременно попрошу у Мамы прощения и постараюсь её больше не огорчать.